

Глава 2

Впрочем, одного он так и не понимал: те, кто будет обижать его — исключительно члены семьи Цинь. Единственный способ уберечь его — держаться от этого семейства как можно дальше.

К тому же, почему родственники ополчились на него? Не потому ли, что прежний владелец тела, желая единолично владеть имуществом семьи Цинь, восстановил всех против себя?

В оригинальном сюжете Гуань Цзиньёо при поддержке некоего покровителя сумел за полгода после смерти Цинь Вэня отвоевать тридцать процентов акций, став одним из ключевых акционеров корпорации «Цинь». Но какой ценой! Это стоило ему колоссальных усилий, подорванного здоровья и расшатанной психики, не говоря уже о том, что сын рос совершенно заброшенным.

Чтобы проворачивать свои дела, прежнему владельцу тела приходилось вступать в более чем сомнительные связи с партнерами. После гибели Цинь Вэня собственное тело стало его главным инструментом в борьбе за власть. Список мужчин, побывавших в его постели, был бесконечен. Семья Цинь всё знала; они презирали его, но ничего не могли поделать.

Среди его любовников числился даже Цинь Третий, младший брат Цинь Вэня, женатый человек.

От одной мысли об этом Цзиньёо передернуло, а в пятой точке возникло крайне неуютное ощущение. Он не был законченным натуралом, но роль «универсальной розетки» его категорически не прельщала.

Подняв взгляд на няню, которая продолжала сыпать угрозами в адрес маленького человека-инструмента, он подошел и произнес ледяным тоном:

— Вы уволены. Собирайте вещи и убирайтесь.

Женщина резко обернулась. Увидев Гуань Цзиньёо, стоявшего в дверях, она побелела как полотно и забормотала:

— Господин... господин Гуань... Я... я просто шутила с малышом, честное слово! Не принимайте это всерьез.

Цзиньёо подошел ближе и взял ребенка на руки.

— Шутили, значит?

Сестра Ван опустила голову, не смея пикнуть.

— Расчет получите на карту, — отрезал он. — А теперь можете уходить.

Затем он повысил голос, окликая прислугу:

— Дворецкий! Дворецкий здесь?

Через пару минут в комнату неспешно вошел мужчина.

— Господин Гуань, какие будут распоряжения? — спросил он с едва скрываемым равнодушием.

Цзиньяо всё стало ясно: стоило Цинь Вэню умереть, как слуги в доме перестали с ним считаться. Видимо, прежний хозяин не баловал их добрым словом, да и его методы управления персоналом были никудышными.

— Это... не совсем уместно, не находите? — подал голос дворецкий. — Сестру Ван выбирал лично господин Цинь. Разве правильно увольнять её вот так?

Намек был прозрачен: едва муж остыл, Гуань Цзиньяо принялся избавляться от старых кадров.

В книге оригинальный персонаж в этот момент проглотил обиду и даже повысил няню до старшей горничной. Позже, придя к власти, он жестоко отомстил ей: её дети потеряли работу, а внуков исключили из школ. В итоге доведенная до отчаяния женщина плеснула Цинь Чжэню в лицо кислотой прямо у ворот школы. Изуродованное лицо стало для мальчика той самой нитью, приведшей к депрессии и роковому прыжку с крыши. Это же превратило его характер в гремучую смесь из агрессии и неуправляемой ярости.

Цзиньяо быстро прикинул варианты и спокойно ответил:

— Я не сомневаюсь в опыте тех, кого выбирал А Вэнь. Но только что она говорила Чжэньчжэню вещи, которые могут нанести ребенку психологическую травму. Он еще совсем мал. Если у вас действительно богатый опыт в воспитании, вы не должны так с ним обращаться. Пожалуйста, поймите заботу отца — я не позволю, чтобы ему причиняли даже малейший вред.

Дворецкий на мгновение опешил. Этот человек никогда раньше не проявлял такой любви к ребенку. Для него мальчик был лишь инструментом для достижения целей. Только перед лицом мужа он разыгрывал из себя любящего родителя, но стоило тому уйти, как маска нежности мгновенно слетала.

Но сейчас господин Гуань прижимал Цинь Чжэня к себе, инстинктивно прикрывая его голову рукой, словно насадка, защищающая цыпленка. Может быть, потому что после смерти господина Циня младший молодой господин остался его единственным родственником?

На самом деле дворецкий не стремился защитить сестру Ван. Просто прежний Гуань Цзинъюо часто третировал его, и он решил из вредности поспорить. В глубине души он любил маленького Чжэня куда больше, чем его законный папа.

Видя, что собеседник колеблется, Цзинъюо добавил тоном, не терпящим возражений:

— Моего супруга больше нет. Теперь в этом доме хозяин — я. Если вы считаете мое решение неверным, то тоже можете подать в отставку. Я, как работодатель, не намерен выслушивать возражения.

Дворецкий тут же склонился в поклоне:

— Слушаюсь, господин Гуань. Я сейчас же провожу сестру Ван.

Няня выглядела обиженной, но понимала, что действительно совершила ошибку, которую совершать не следовало. Она молча собрала свои пожитки и покинула резиденцию. Цзинъюо проводил её взглядом, понимая, что такое законное увольнение не должно спровоцировать затаенную месть.

Оставшись один, он слегка хлопнул маленького человека-инструмента по попке и ласково спросил:

— Проголодался?

Малыш поднял голову и посмотрел на него с нескрываемым удивлением, словно видел этого папу впервые в жизни.

Надо признать, оба сына Цинь Вэня были на редкость красивы. Старший, Цинь Хэн, сочетал в себе черты лидера и благородство, а младший, Чжэнь, напоминал хрупкую фарфоровую куклу: огромные глаза с густыми ресницами делали его похожим на маленького ангела.

«Ангел» сначала робко шмыгнул носом, а затем разразился громким плачем.

Это был признак крайней нехватки чувства безопасности. Ребенок, за которым долго присматривала эта няня, был напуган известием о смерти отца. Цзинъюо начал мерно покачивать его, похлопывая по спине.

У него был определенный опыт: в прошлой жизни он практически в одиночку вырастил племянника. Живя в чужом доме на правах бедного родственника, под вечно недовольным взглядом невестки, он старался быть полезным и всё свободное время отдавал малышу.

Та привычка угождать окружающим не оставила его даже после окончания университета.

Даже когда он стал успешным менеджером в крупной корпорации, он всё равно привык первым улыбаться людям.

Спустя некоторое время ребенок наконец успокоился. Цзинъяо отнес его на кухню и, удерживая на одной руке, другой принялся готовить ему яичный пудинг на пару.

Когда дворецкий вернулся, он замер от изумления. Чтобы господин Гуань сам встал к плите? Это было нечто невообразимое.

В представлении слуг Цзинъяо был лишь ослепительно красивой игрушкой. Природа не покупила на его внешность: если бы существовала шкала красоты, он набрал бы девяносто девять баллов. Тот единственный балл он терял из-за сквозившей в облике слащавости — излишней приторности, которая вызывала дискомфорт.

Именно эта аура заставляла Цинь Вэня терять голову в постели. По одному взгляду на него было ясно: перед тобой созданная для плотских утех «игрушка», чьи непомерные амбиции совершенно не вязались с уровнем интеллекта.

Впрочем, большая часть этих амбиций была внушена ему тем самым человеком. Даже план по соблазнению Цинь Вэня принадлежал не ему.

— Господин Гуань, позвольте мне забрать младшего молодого господина, — предложил дворецкий, стараясь звучать почтительно.

Цзинъяо отмахнулся:

— Не стоит, я привык.

Он тут же прикусил язык, понимая, что ляпнул лишнего. Он-то привык так носить племянника в детстве, готовя ему еду.

— Я имею в виду... я так тренирую мышцы рук, — быстро поправился он. — Совсем не тяжело.

Дворецкий промолчал, хотя в глазах его промелькнуло сомнение. Он принялся помогать на кухне и спросил:

— Сестра Ван ушла. Нужно ли подыскать новую няню?

Цзинъяо на мгновение задумался.

— Пока я буду заниматься им сам.

Насколько он помнил, к четырем годам у этого ребенка начались серьезные психологические проблемы: он кричал, толкался и всё ломал. Это было расстройство привязанности, вызванное отсутствием внимания. Сейчас это проявлялось в ночных кошмарах и плаче по пустякам, но скоро могло перерасти в полноценное реактивное расстройство. Агрессия и самоизоляция — вот что ждало мальчика, если вовремя не вмешаться.

Вспомнив трагический финал этого ребенка в романе, Цзиньяо вздохнул и покрепче перехватил «маленького человека-инструмента».

Он достал из пароварки готовый яичный крем и добавил несколько капель детского соевого соуса. Глядя на его уверенные, отточенные движения, дворецкий окончательно запутался. Когда господин Гуань научился готовить? Это было выше понимания.

Возможно, из-за чувства безопасности или природного обаяния Цзиньяо, маленький Чжэнь перестал плакать. Он лишь широко открытыми глазами наблюдал за отцом.

Честно говоря, Гуань Цзиньяо всегда любил детей. Он улыбнулся малышу и тихо произнес:

— Скажи «папа».

Кроха всхлипнул и выдавил сквозь слезы:

— Па... па...

Затем последовал громкий икающий вздох — ребенок выглядел до крайности трогательным и беззащитным. Цзиньяо снова вздохнул. Кто сказал, что дети богачей счастливы? Без любви и тепла деньги для ребенка — пустой звук.

Он зачерпнул мягкой силиконовой ложечкой немного ароматного, тающего во рту пудинга. Малыш проглотил угощение, и в его глазах мгновенно вспыхнуло ожидание. Судя по всему, еда пришлась ему по вкусу.

Увидев эту реакцию, Цзиньяо довольно улыбнулся:

— Вкусно?

Чжэнь закивал и нежно пролепетал:

— Вкуфно-о...

Сердце Цзиньяо окончательно растаяло. Детский лепет был слишком очаровательным. Почему

прежний владелец тела так не любил собственного сына?

Впрочем, догадаться было несложно. Его сердце принадлежало другому, а брак с Цинь Вэнем был лишь частью холодного расчета.

Да, у него был возлюбленный детства по имени Сюй Цун. Сюй Цун обладал некоторыми талантами, но всегда считал, что мир просто не встретил достойного «ценителя» для такого «скакуна», как он. Однажды во время свидания, когда прежний Цзиньяо пожаловался ему, что их богатый босс позволяет себе лишнего, у того созрел план.

Именно он убедил Цзиньяо выйти замуж за Цинь Вэня, чтобы использовать их связь и занять свое место в корпорации «Цинь».

<http://bllate.org/book/15817/1422101>